

В.А. Погосян

ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ КУЧЕРЕНКО, КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

В начале 1977 г., еще в бытность мою студентом пятого курса исторического факультета Ереванского государственного университета, в ереванском филиале «Академкниги», через пару месяцев после безвременной кончины А.З. Манфреда, мне в руки попала книга Геннадия Семеновича Кучеренко «Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.» (М., 1975). То было мое первое знакомство с историком, с которым мне предстояло в середине 1980-х годов общаться почти ежедневно и долго вместе работать.

Пока же я открыл книгу, написанную неизвестным мне тогда еще автором, и первое, что бросилось в глаза, было его посвящение: «Памяти моего учителя Бориса Федоровича Поршнева». Пронзила мысль, что мне не суждено на той книге, которую, как я надеялся, со временем напишу, сделать аналогичное посвящение памяти А.З. Манфреда, чьим аспирантом стать я так хотел, но, увы, не успел. Тогда я еще не понимал, что в науке, помимо личного общения, есть и другие возможности испытать влияние мэтра – влияние, которое оставляет неизгладимый след на индивидуальности историка как исследователя и определяет суть понятия «учитель»¹.

Начиная с 1978 г., после поступления в аспирантуру, я в коридорах Института всеобщей истории АН СССР неоднократно лицом к лицу встречался с Кучеренко, не имея еще опыта личного общения с ним. В том же году мне довелось присутствовать на двух его докладах. Первый он представил в июне 1978 г. на VIII международной конференции историков СССР и Франции, проходившей

---

¹ Свою первую книгу я позднее, конечно же, посвятил памяти А.З. Манфреда: *Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван. 2004.

в Доме дружбы. С докладами выступали выдающиеся советские (в частности, В.М. Далин, А.Р. Иоаннисян, А.Д. Люблинская) и французские (А. Собуль, Л. Тренар и др.) историки. Кучеренко посвятил свой доклад влиянию Руссо на Марешаля².

Однако мне на всю жизнь запомнилось другое его выступление, 22 ноября того же года, на заседании группы по изучению истории Франции (или, как ее называли, Французской группы), посвященном памяти Б.Ф. Поршнева. Я пришел туда сразу же после сдачи кандидатского минимума по новой и новейшей истории стран Западной Европы. Первым говорил А.В. Адо. После него председательствовавший на заседании В.М. Далин предоставил слово «другому ученику Бориса Федоровича, Геннадию Семеновичу Кучеренко». Опустив голову, Г.С. медленно подошел к кафедре и приступил к чтению заранее написанного текста. В отличие от Далина и Адо он не был оратором, в чем я впоследствии неоднократно имел возможность убедиться. Естественно, я уже не помню всех деталей, но говорил он в основном о преданности Поршнева науке и об их отношениях. Г.С. рассказал присутствовавшим о последнем завете своего учителя. За несколько часов до кончины, видимо предчувствуя, что мгновения его жизни уже сочтены безжалостной судьбой, Борис Федорович позвонил вечером Кучеренко и настойчиво попросил, чтобы тот и впредь продолжал углубленное изучение истории социалистических идей. Запомнилось мне и другое. В самом начале выступления, говоря о разносторонних научных интересах Поршнева³, Кучеренко деликатно намекнул на недооценку его научных заслуг советской Академией наук. Он прочел эти строки дрожащим голосом, все заметили, что докладчик еле сдерживал слезы.

До марта 1983 г. мы с Г.С. знали друг друга только в лицо. Однако затем, по его инициативе, между нами на долгие годы установились прочные и весьма полезные для моего профессионального роста отношения. После одного из заседаний Французской группы, на котором 16 марта с докладом о новых подходах к истории исторической науки выступил Ш.-О. Карбонель, Г.С. подошел ко мне и пригласил на заседание возглавляемой им группы по истории Французской революции. Там он сам собирался рассказать о своей состоявшейся незадолго до того командировке в Италию,

² Намазова А. Восьмая встреча советских и французских историков // ФЕ. 1978. М., 1980. С. 273.

³ Напомним, что Ф. Бродель характеризовал его как «великана». См.: Бродель Ф. In memoriam // ФЕ. 1976. М., 1978. С. 25.

где участвовал в работе международной комиссии по изучению истории Французской революции, возглавляемой в то время Ж. Годшо: «Это Вам будет интересно. Да и вообще, я хочу, чтобы Вы участвовали в наших заседаниях». Тронутый его вниманием, я поблагодарил за приглашение, после чего стал регулярно посещать заседания этой группы, где мы имели возможность обмениваться мнениями о проблемах истории Французской революции и о французской историографии.

Вместе с тем на протяжении многих лет мне было суждено общаться с Кучеренко и далеко за пределами «нашего дома историков, на улице Дмитрия Ульянова, 19»⁴, а именно в коридорах Российской государственной библиотеки – нашей дорогой «ленинки», превратившейся в середине 1980-х гг. в основное «место жительства» для нас обоих. Почти каждый день он посещал библиотеку, где оставался допоздна, и во время перерывов мы подолгу беседовали на представлявшие для нас интерес темы. Наши ежедневные беседы скоро привели меня к следующему выводу: ему, человеку одаренному от природы душевной теплотой, было присуще чувство самой высокой ответственности перед наукой, что обуславливало его глубочайшее уважение к памяти ушедших из жизни выдающихся историков и невероятно заботливое отношение к молодым исследователям.

Помню, с каким почтением Кучеренко отзывался о своих старших коллегах – А.З. Манфреде, В.М. Далине, А.Р. Иоаннисяне⁵, о которых мы с ним не раз вели длительные беседы. Как-то в Химках, в филиале «ленинки», мы заговорили о выборах в АН СССР, в которых и он в 1981 г. принимал участие, увы, с неудачным исходом. И тогда-то Г.С., человек очень искренний и правдивый, высказал такое мнение о несостоявшемся баллотировании Манфреда в декабре 1976 г.: «Он бы не прошел и на этот раз». Поскольку комментарии были излишни и он их избегал, я могу подтвердить обоснованность его предположения ссылкой на слова вдовы Манфреда, Н.В. Кузнецовой, в свое время отговаривавшей мужа выдвигаться на этих выборах. В разговоре со мной в январе 1979 г. она так объяснила свою позицию: «Я ему говорила: какая тебе разница, что будет написано на могильной плите – академик

⁴ Выражение Манфреда. См.: *Манфред А.З.* Борис Федорович Поршневу // ФЕ 1972. М., 1974. С. 341.

⁵ В Фундаментальной библиотеке НАН Армении хранится экземпляр книги Кучеренко «Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.» из личной библиотеки А.Р. Иоаннисяна с дарственной надписью автора: «Дорогому Абгару Рубеновичу, старейшине советских "утопистов" на добрую память».

или профессор? Ты лучше напиши книги о Руссо и Давиде»⁶. К сожалению, Манфред не послушался мнения супруги, что и привело к роковому исходу.

Когда после завершения своей работы в ЮНЕСКО Кучеренко в 1990 г. вернулся в Москву, он рассказывал мне о жизни в Париже, о поездках по Франции. Узнав, что ему довелось побывать в Тулузе, я сразу же спросил, имея в виду, конечно же, Годшо: «Могилу посетили?» «Ну а как же!» – ответил он и стал описывать надгробную плиту. Но самое главное, на что мне очень хотелось бы обратить внимание, – в его голосе я уловил нотку не только удивления, но и некоторого возмущения, досады. Его ответ можно было истолковать приблизительно следующим образом: «Как же я мог не посетить его могилу?!»

Кучеренко высоко ценил вклад отечественных историков, своих предшественников, не только в разностороннее, глубокое изучение истории Франции, но и в организацию научно-исследовательской работы. Воздавая им должное, он, тем не менее, по праву полагал, что с их уходом из жизни развитие науки не может остановиться. Он и слышать не хотел о какой-либо перспективе разрыва, настаивал на необходимости сохранения преемственности и неоднократно повторял фразу: «В этой стране есть традиции, которые мы должны сберечь и продолжить».

Говоря в начале 1980-х гг. об организаторской работе в сфере исследований, он выделял имена А.В. Адо и В.П. Смирнова, несших вместе с ним основное бремя лидерства в советском франковедении. В то же время, отнюдь не считая себя незаменимым, Г.С. был глубоко озабочен подготовкой продолжателей своего дела, которые со временем смогли бы достойно заменить и его коллег, и его самого в сохранении славных традиций отечественной науки. С плохо скрываемой душевной болью он говорил о тех коллегах, кто, не обращая внимания на подготовку научных кадров, был погружен только в собственные исследования и заботы.

Кучеренко был блестящим организатором науки и ради координации коллективных научных изысканий порою жертвовал личными исследовательскими интересами. Его чрезвычайно тревожил вопрос плодотворной смены поколений. И дабы со временем факел традиций отечественного франковедения не угас, Г.С. старался сгруппировать вокруг себя как можно больше способных

---

⁶ См. об этом также беседу Д.Ю. Бовыкина с Н.В. Кузнецовой: «Время заставляло думать о революции...» // ФЕ. 2006. М., 2006. С. 16.

молодых историков, в которых видел будущее науки. Ко всем находившимся рядом он относился с большим вниманием, я бы сказал, с отеческой заботой. Не щадя своего времени, он уделял работе с начинающими исследователями много сил. Мне не раз доводилось видеть в институте, с какой готовностью Г.С. общался с молодыми коллегами, причем не только со своими учениками, читал в рукописи их статьи, правил тексты, деликатно высказывал замечания, с удовольствием и подолгу беседовал с ними на научные темы. «Настанет время, когда нас не будет, но будете вы», – сказал он мне летом 1983 г. Могу со всей ответственностью заявить, что никто из тех историков, с кем мне приходилось сотрудничать, так бережно и с таким усердием не работал с молодежью, как Кучеренко. Состязаться с ним в этом мог только Адо. Мне всегда было очень интересно общаться с Кучеренко. С мягкой дружеской улыбкой на лице, он никогда не повышал голоса и, самое главное, никогда не давал почувствовать существовавшую между нами огромную разницу в положении. Он относился ко мне так же внимательно и заботливо, как к своим ученикам. И хотя мы обсуждали с ним самый широкий спектр вопросов, в центре наших разговоров, безусловно, были проблемы исторической науки. Я часто расспрашивал его о зарубежных, в частности французских, историках разных направлений, со многими из которых он установил личные связи и подружился во время своих зарубежных поездок. Г.С. рассказывал о встречах со многими из них, но больше всего – о Р. Коббе и Ж. Годшо. Он с уважением говорил об английском историке, с которым много общался в 1964 г., работая в Национальном архиве Франции. Он ценил Кобба за не ослабевающее с годами пристрастие к архивным изысканиям и, в отличие от ряда своих советских коллег, избегал критических замечаний в его адрес даже после перемены Коббом своих научных интересов в последний период жизни⁷. С глубокой болью Г.С. говорил о склонности Кобба к спиртным напиткам, отмечая, что тот еще в 60-х каждое утро приходил в архив после нескольких рюмок кальвадоса. «А это такая зараза, которая ни к чему хорошему не приведет», – грустно заключал Г.С.⁸

⁷ Подробнее см.: Гордон А.В. Советская историография Великой французской революции в советской историографии. М., 2009. С. 253-270.

⁸ По признанию А.В. Гордона, у него из рассказов А.В. Адо, который знал Кобба лично, сложился образ этого английского историка как «одинокого чудака, делящего время между архивной работой и поглощением спиртного». Там же. С. 252, прим. 98.

С особым почтением и теплотой Кучеренко отзывался о Годшо, с которым в 1970–1980-х гг. встречался в разных странах во время международных коллоквиумов. Он часто со всеми подробностями рассказывал мне о своих беседах с этим выдающимся французским историком, о том, каким тот был внимательным и доброжелательным человеком. Высоко ценя научные заслуги Годшо, Г.С. ни разу не упомянул о предложенной им теории «атлантической революции», избегая какой бы то ни было критики в его адрес. В этом проявлялась одна из характерных черт Г.С.: по возможности избегать критики как советских, так и зарубежных исследователей, тем более столь заслуженных. Вместо этого он повторял: «За что я ценю Годшо – это за ясность языка». Узнав, что в одной из статей я собрался оспорить какое-то из заключений Годшо относительно Директории, Г.С. по-отечески посоветовал: «Это надо делать осторожно, Жак остается Жаком».

В разговорах с Кучеренко мы не обходили стороной и ожесточенные споры, шедшие в современной нам историографии Французской революции. Несомненно, он был значительно более восприимчив, чем его старшие коллеги, к выдвинутым западными исследователями новым подходам в изучении революционной эпохи. Г.С. был далек от присущего некоторым предшественникам революционного романтизма и уже в 1983–1984 гг. проявлял гораздо более спокойное, чем они, и в то же время вполне сдержанное отношение к отклонениям от марксистской интерпретации истории Французской революции. К примеру, он не участвовал в ожесточенной критике рядом советских франковедов концепции Французской революции Ф. Фюре. Не разделяя его взглядов, Г.С., тем не менее, находил и рациональное зерно в его критике трактовки Революции историками-марксистами. Фюре упрекал их за недооценку развития капиталистических отношений во Франции при Старом порядке и утверждения о том, что до революции во французской экономике господствовал феодализм, а после нее наступило торжество капитализма. Такая упрощенная интерпретация истории революционной эпохи долгое время полновластно господствовала в советской историографии и была на самом деле достойна осуждения, ибо за одно только десятилетие революция не смогла бы в корне изменить социально-экономический облик страны и одержать полную победу над Старым порядком. Об этом во второй половине 1980-х гг. не раз писал и Адо, подчеркивая, что по-

беда революции «подразумевает наличие достаточно развитых и зрелых альтернативных структур»⁹.

Не принимая излишне прямолинейный подход Фюре к истории предреволюционной Франции, Кучеренко отмечал, наряду с высоким уровнем развития капиталистических отношений во французской экономике XVIII столетия, и сохранявшиеся в ней средневековые пережитки. Ссылаясь на данные новейшей зарубежной литературы, он говорил: «В дореволюционной французской экономике сохранялись остатки сеньориальных отношений и одновременно развивались ростки капиталистических. При таком подходе ни Фюре, ни Рише уже не могут со мной поспорить».

Сам Г.С., человек глубочайшей внутренней культуры, никогда не позволял себя отзывать с пренебрежением об историках Запада, не разделявших взглядов историков-марксистов. Поэтому его очень уязвило выступление М. Ферро в марте 1986 г. на заседании Французской группы, которой Кучеренко руководил после кончины Далина. Французский историк позволил себе довольно язвительно иронизировать над присутствовавшими только на том основании, что они придерживались марксистской методологии. Г.С. был крайне возмущен таким поведением и на следующий день в разговоре со мной поделился своим негодованием.

Замечу, кстати, что Ш.-О. Карбонель, в отличие от Ферро, никогда в разговорах с советскими историками, в том числе и со мной, не считал возможным сколько-нибудь неуважительно отзываться об исследователях-марксистах и об их методологии. Карбонель, которого, несомненно, никак нельзя упрекнуть в симпатиях к марксизму и советской науке, о чем могу судить по нашим с ним, зачастую не очень мирным, беседам, со временем подружился с Кучеренко и как-то рассказал мне об одном эпизоде их общения. Во время работы Кучеренко в Париже им довелось в 1988 г. случайно встретиться на одном из заседаний. Не скрывая симпатии к советскому историку, Карбонель обнял его и поцеловал. И потом признавался, что многие из присутствовавших были этим больше чем удивлены. Их реакцию он объяснял так: «Как это Карбонель обнимается с советским гражданином?!» Но я-то, хорошо знавший Геннадия Семеновича, этому не удивляюсь. Человек глубоко интеллигентный, поистине рафинированный, Ку-

⁹ См. например: *Адо А.В.* О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы «круглого стола» 19–20 сентября 1988 г.). М., 1989. С. 9–10.

черенко умел деликатно себя вести со всеми, очаровывая собеседников и вызывая к себе неподдельную симпатию.

Прохладно Кучеренко отнесся и к оживленным спорам между советскими историками о классовой сущности якобинской диктатуры. Он не любил категоричных суждений и полагал, что вовлеченные в эту острую дискуссию стороны в равной степени впадают в крайности: «Для Альберта Захаровича левее якобинцев никого нет, для Ревуненкова они представители одной только буржуазии. Надо, видимо, искать “золотую середину”». Таково было его отношение к природе якобинской диктатуры, которое я полностью разделяю. Характерно, что в 1970 г. Г.С. не захотел выступать на организованном в ИВИ симпозиуме по проблемам якобинской диктатуры¹⁰.

Кучеренко был настоящим историком-профессионалом, страстным тружеником науки. Он изучал историю французской общественной мысли Нового времени, но в то же время его интересовали, казалось бы, самые незначительные детали политической истории Французской революции. Не раз он расспрашивал меня о правых деятелях времен Директории и зачастую, не удовлетворяясь моими объяснениями, просил указать источники. Запомнилась одна из наших бесед, ярко высветившая его высокую требовательность к точности приводимых сведений. Как-то я ему сказал, что претендент на французский трон Людовик XVIII, помимо официального титула графа Прованского, в годы Директории именовал себя и графом де л'Иль (de l'Isle). Поскольку эта информация, далекая от собственных научных интересов Г.С., его очень заинтересовала, он попросил у меня сообщить, из какой книги я ее почерпнул. На следующий день он внимательно прочел подготовленную для него выдержку из написанного герцогом де Кастри биографического исследования о Людовике XVIII¹¹ и, поблагодарив меня, оставил ее у себя.

Кучеренко был просто не в состоянии представить себе, как можно в научных трудах ссылаться на источники и тем более архивные документы, никогда не видев их в глаза. Говоря об этой порочной практике, он не скрывал презрения к подобным так называемым «исследователям», которые без тени смущения и малейшего угрызения совести писали свои работы на основе материалов, собранных для них другими людьми. В этой связи он вспо-

¹⁰ О том, как настороженно отнесся он к этой дискуссии, см.: *Гладышев А.В.* Кучеренко: штрихи биографии // ФЕ. 2002. М., 2002. С. 192.

¹¹ *Castries, duc de. Louis XVIII. Portrait d'un roi.* P., 1969.

минал одного неизвестного мне французского историка, который, в его же присутствии, ничуть не смущаясь, раздавал по утрам задания своим ученикам у дверей Национального архива Франции, а по вечерам, после завершения работы, приходил и забирал добытые ими материалы.

С досадой говорил Г.С. и о коллегах, заставлявших работать на себя своих подчиненных и учеников. Такие методы, как и подобное обращение, в особенности к ученикам, ему претили.

После завершения Кучеренко работы в ЮНЕСКО и возвращения в Москву в конце 1990 г. мы с ним общались уже не столь часто, как прежде, поскольку в библиотеке он появлялся теперь крайне редко¹². Поэтому мне трудно сказать что-либо о его душевном состоянии, образе мыслей и переживаниях в последний период жизни. Однако многие из тех, кто в эти годы общался с ним чаще меня, и тем более те, кто находился рядом с ним ежедневно, констатировали глубокий духовный стресс, в котором он находился из-за потрясших нашу страну перемен, приведших в конечном итоге к распаду СССР. Тогда же полностью пропал общественный интерес к истории коммунистической и социалистической мысли – тематике, изучению которой он посвятил всю свою жизнь. Судя по тому, что за семь лет, прошедшие от его возвращения на родину до кончины, Г.С. не только почти не бывал в библиотеке, но и практически не публиковался, выглядит весьма правдоподобным мнение А.В. Гладышева о том, что в этот период Кучеренко переживал «тяжелейший творческий кризис»¹³.

Не буду углубляться в причины столь печального его состояния в постперестроечный период, отмечу лишь, что любая имевшая место в истории человечества революция калечила, вне зависимости от своей формы, судьбы миллионов людей, поневоле попавших в жернова революционных потрясений и зачастую превращенных в прах их неумолимым движением. Но как раз о таких безгласных жертвах перемен историки и писатели обычно почему-то хранят молчание. Одним из блестящих исключений здесь является Б.Л. Пастернак, не случайно ставший одним из любимых писателей Кучеренко¹⁴. В гениальном романе «Доктор Живаго», удостоенном Нобелевской премии, Пастернак сумел через судь-

¹² Об этом вспоминала позднее и его вдова Н.Ф. Кучеренко. См.: *Гладышев А.В.* Указ. соч. С. 203.

¹³ *Гладышев А.В.* Три советских историка французского коммунизма XVIII в.: Волгин, Поршнев, Кучеренко // ФЕ. 2007. М., 2007. С. 211-212.

¹⁴ *Гладышев А.В.* Кучеренко: штрихи биографии. С. 205.

бу главного героя раскрыть внутреннюю драму, если не трагедию, целого поколения ни в чем не повинных людей, которые не смогли найти себе место в новом обществе, порожденном российской революцией 1917 г.

Однако посмертная судьба Кучеренко во многом отличается от судеб миллионов его соотечественников, не сумевших, как и он, приспособиться к новым, жестким и жестоким, условиям постсоветской действительности. Он по-прежнему остается с нами, благодаря своим замечательным книгам – глубоким научным исследованиям по истории социалистической мысли и советской историографии истории социалистических идей. Геннадий Семенович Кучеренко будет и впредь рядом со мной и с моими коллегами до тех пор, пока из наших рук не выпадет перо...